

На правах рукописи

Бондаренко Сергей Яковлевич

**Провинциальное чиновничество Европейского Севера России
в 1940-х – начале 1950-х гг.
(на материалах Архангельской и Вологодской областей)**

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Вологда – 2004

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Научный руководитель:

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор М. А. Безнин

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
профессор Т. Г. Архипова

кандидат исторических наук,
доцент Т. А. Беляева

Ведущая организация:

Вологодская государственная
молочно-хозяйственная
академия им. Н. В. Верещагина

Защита состоится 17 июня 2004 года в 15 часов 30 минут на заседании диссертационного совета КМ. 212. 031. 01 по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Вологодском государственном педагогическом университете по адресу: 160035, г. Вологда, проспект Победы, 37, ауд. 78.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан "14" мая 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

С. Г. Карлов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Среди проблем политической истории советского общества одно из центральных мест занимает тема государственной власти. Ключевое значение при исследовании этой темы имеет рассмотрение вопроса о составе и профессиональной деятельности чиновничества как особой группы населения, обеспечивавшей функционирование государственного механизма. Актуальность изучения провинциального чиновничества обусловлена возросшим в настоящее время вниманием к вопросам региональной власти и местного самоуправления, их роли в истории российской государственности, а также недостаточностью разработки темы в современной историографии, особенно – в контексте системного изучения эволюции провинциального чиновничества. Выбор темы определяется стремлением дать целостное представление о провинциальном чиновничестве советского периода на примере Европейского Севера России, показать его место в системе государственного управления на основе изучения количественного и качественного состава, практики работы в пределах локальной территории. Деятельность аппарата управления во многом обусловила характер и судьбу политического режима в стране в годы войны и послевоенный период. Более того, отработанный механизм управления был спроецирован на весь последующий период советского государства, вплоть до его распада в 1991 г. Наконец, изучение кадрового состава государственно-партийного аппарата имеет принципиальное значение для понимания механизма управления на местном, региональном уровне, способствует выявлению закономерностей и особенностей развития советского общества в 1940-х – начале 1950-х гг.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является провинциальное чиновничество Европейского Севера России, предметом – его состав и профессиональная деятельность в 1940-х – начале 1950-х гг. К чиновникам советского периода автор относит тех государственных служащих, которые занимали административные должности, имели возможность принимать общественно значимые решения, руководить их реализацией и обеспечивать исполнение. В этой связи в данной работе изучается руководящий состав партийного аппарата областного, городского и районного уровней (секретари, руководители структурных подразделений, инструкторы), кадровый корпус исполкомов Советов, в том числе председатели, заместители председателей исполкомов Советов, заведующие отделами, секторами и их заместители, инструкторы, инспекторы и специалисты с административными функциями (экономисты, инженеры).

Хронологические рамки исследования охватывают период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) и послевоенный период (1945 – начало 1950-х гг.). Нижняя временная грань – начало 1940-х гг. – связана с завершением процесса формирования властных структур вновь созданных областей и началом Великой Отечественной войны, что существенным образом повлияло на деятельность партийно-советских органов власти всех уровней, социально-

профессиональный состав провинциального чиновничества. Верхняя временная грань – начало 1950-х гг. – связана с завершением процесса послевоенного восстановления экономики страны, окончанием периода “позднего сталинизма”, завершением особого этапа в развитии советской государственности и эволюции государственных служащих. Изучение провинциального чиновничества в период “оттепели” представляет отдельную тему для самостоятельного научного исследования.

Территориальные рамки исследования включают Архангельскую и Вологодскую области. В 1940-е – начале 1950-х гг. эти северные области имели один и тот же административно-политический статус в составе РСФСР, что означало установление в них одинаковой структуры региональной власти, в рамках которой провинциальное чиновничество исполняло руководящие функции. Идентичность структуры власти позволила в ходе исследования решать задачу сопоставимости объекта. Кроме того, выбор обозначенных территориальных рамок обусловлен стремлением продолжать конкретно-историческое исследование провинциального чиновничества Европейского Севера России на примере одного региона, имевшего общие историко-культурные корни.

Степень изученности темы. Советский государственный аппарат периода войны и первых послевоенных лет стал предметом внимания исследователей уже в 1950–1960-е гг. Однако работы В.А. Власова, А.М. Сеницына, К.Г. Федорова и некоторых других авторов базировались в основном на опубликованных нормативно-правовых и законодательных актах. При этом анализ реализации постановлений партии и правительства, как правило, отсутствовал¹.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. в работах Т.Г. Архиповой, Т.П. Коржихиной, В.А. Цикулина и других исследователей появляется комплексное описание структуры государственного аппарата, рассматриваются основные принципы организации и функционирования органов управления в годы войны и в послевоенный период².

Новый взгляд на проблему деятельности аппарата управления начался в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг., когда в научный оборот стали вводиться ранее недоступные архивные документы. Наибольший вклад в разработку этой темы был сделан Т.П. Коржихиной. На основе широкого круга источников она дала подробное описание структуры не только центральной, но и местной власти³. Вместе с тем специального исследования, посвященного проблеме структуры региональной власти в военный и послевоенный периоды, в этот период так и не появилось.

В историко-партийной литературе 1950–1980-х гг. нашла отражение кадровая политика КПСС, организационная структура и практическая деятель-

---

¹ См.: Власов В.А. Советский государственный аппарат. М., 1959; Сеницын А.М. Чрезвычайные органы советского государства в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 34-35; Федоров К.Г. Союзные органы власти (1922-1962 гг.). М., 1963.

² См.: Архипова Т.Г. Государственный аппарат РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М., 1981; Коржихина Т.П. История и современная организация государственных учреждений СССР. 1917-1972 гг. М., 1974; Цикулин В.А. История государственных учреждений СССР. 1936-1965 гг. М., 1966.

³ См.: Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: 1917-1991 гг. М., 1994.

ность партийного аппарата⁴. Разумеется, кадровая политика партии, равно, как и иные аспекты ее деятельности, в то время освещались с позиций коммунистической идеологии. Несмотря на это, исследования историков партии подробно раскрывали организационную структуру центрального и местного партийного аппарата, характеризовали особенности его функционирования в 1941–1953 гг., содержали богатый фактический материал по практическому осуществлению кадровой политики. История Архангельской и Вологодской партийных организаций в годы войны и послевоенный период нашла отражение в очерках по истории региональных парторганизаций, документальных и статистических сборниках, опубликованных в 1960–1980-е гг.⁵

В 1990-е гг. при рассмотрении кадровой политики был сделан акцент на изучении феномена номенклатуры – системы отбора и расстановки кадров в советском государственно-партийном аппарате⁶.

Численность и социально-демографический портрет руководящего партийно-советского аппарата в интересующий нас период стали предметом внимания исследователей в 1990–2000-е гг. В работах А.Л. Андреевой, Т.Г. Архиповой, М.Ф. Румянцевой, А.С. Сенина, Т.П. Коржихиной, Ю.Ю. Фигатнера, Л.А. Чикановой на общесоюзном уровне анализируется социальное происхождение, партийность, уровень образования различных категорий государственных и партийных работников⁷. В диссертационной работе А.Б. Коновалова дана социально-демографическая характеристика ответственных работников партийного аппарата Кузбасса в период с 1943 по 1964 гг. Работа В.П. Мохова содержит сведения о социальном происхождении, партийности и уровне образо-

---

⁴ См.: Агафенков Е.Ф. Марксистско-ленинское воспитание руководящих и советских кадров в послевоенный период (1946–1950 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1952; Баськов П.Г. Борьба КПСС за учреждение партийной и государственной дисциплины в послевоенный период. 1946–1954 годы: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1954; Беляков В.К., Золотарев Н.А. Организация удесятряет силы. Развитие организационной структуры КПСС. 1917–1974 гг. М., 1975; Быков В.В. Партийные требования к руководителю. М., 1964; Дубинин А.С. КПСС в борьбе за улучшение деятельности госаппарата в области народного хозяйства в период 5-й пятилетки: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1955; История КПСС: В 6-ти т. / Гл. ред. П.Н. Поспелов. М., 1967–1970; Мошевитин А.Д. Подбор и воспитание руководящих кадров. М., 1962; Разумов Е.З. Проблемы кадровой политики КПСС. М., 1983; Сухаревская Н.П. КПСС в борьбе за укрепление советского госаппарата в послевоенный период (1945–1955 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1955.

⁵ См.: Архангельская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сборник документов. Архангельск, 1975; Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов. – Вологда, 1971; Вологодская областная организация КПСС в цифрах. 1937–1980: Статистический сборник. Архангельск, 1981; Очерки истории Архангельской организации КПСС. Архангельск, 1970; Очерки истории Вологодской организации КПСС. 1895–1968. Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969.

⁶ См.: Архипова Т.Г., Румянцова М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII–XX века. М., 1999; Джавланов О.Т., Михеев В.А. Номенклатура: эволюция отбора. М., 1993; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление и механизм действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38; Нефедов В.Н. Номенклатура империи: исследование кризиса. Нижний Новгород, 1994; Некрич А.М. Золотой век номенклатуры // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2-х т. М., 1997. Т. 2. С. 400–445; Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М., 1998; Свириденко Ю.П., Пашин В.П. Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание. М., 1995.

⁷ См.: Андреева А.Л. Социальное ядро нации // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 76–86; Архипова Т.Г., Румянцова М.Ф., Сенин А.С. Указ. соч.; Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Указ. соч.; Чиканова Л.А. Государственные служащие. М., 1998.

вания руководителей обкомов, крайкомов и ЦК республик в составе РСФСР в 1950–1990-е гг.⁸

В работах Т.Г. Архиповой, Е.Г. Гимпельсона, Т.П. Коржихиной, Р.А. Малахова, Е.А. Осокиной, Р.В. Павлова, Ю.А. Перебинос, Е.С. Сенявской, А.С. Сенина нашла отражение новая для отечественной историографии 1990–2000-х гг. тема привилегий и материального положения работников партийно-советского аппарата⁹. Исследователи отмечают, что материальное положение руководящих работников базировалось не только на повышенной оплате труда. Немалую роль играла система спецснабжения и спецобеспечения, различного рода привилегии. Однако в данных работах почти не уделено внимания материальному положению регионального чиновничества в военный и послевоенный периоды.

К освещению проблемы характера власти в 1940-х – начале 1950-х гг. исследователи обратились в начале 1990-х гг.¹⁰ Заметный вклад в изучение реальных механизмов власти в СССР в 1930–1950-е гг. внесли А.А. Данилов, Ю.Н. Жуков, Р.Г. Пихоя, А.В. Пыжиков¹¹. Почти все историки указывают на то, что в период Великой Отечественной войны управленческий механизм советской системы доказал свою эффективность. Послевоенный период в большинстве работ рассматривается как “апогей сталинизма”. При этом, если период 1941 – 1945 гг. оценивается как этап “отступления”, сдерживания карательной политики власти, то 1946–1953 гг. – как этап “наступления”, активизации репрессивных механизмов¹². Самостоятельное освещение в научной литературе получили репрессии в партийно-советской среде, хозяйственной и культурной элиты в изучаемый период¹³. Вместе с тем партийные и советские “чистки” на региональном уровне пока изучены крайне слабо. В современной историографии также недостаточно внимания уделено и описанию функционирования ре-

---

⁸ Коновалов А.Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943–1964 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Кемерово, 1999; Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России. 1950–1990-е годы: Дис. ... д-ра истор. наук. М., 1998.

⁹ См.: Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. Указ. соч.; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998; Коржихина Т.П., Сенин А.С. Указ. соч.; Малахов Р.А. Указ. соч.; Осокина Е.А. За фасадом сталинского “изобилия”: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998; Павлов Р.В. Опыт социального обеспечения условий труда рабочих и колхозников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Дис. ... докт. истор. наук. М., 2000; Перебинос Ю.А. Указ. соч.; Сенявская Е.С. Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939–1941 годов // Отечественная история. 1995. № 3.

¹⁰ Аксенов Ю.С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 90–104; Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. 1994; Сивохина Т.А., Зезина М.Р. Апогей режима личной власти. “Оттепель”. Поворот к несталинизму. М., 1993.

¹¹ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР. 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 23–39; Пихоя Р.Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 3–14; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998.

¹² См., например: Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. С. 33–34.

¹³ См., например: Зубкова Е.Ю. Феномен “местного национализма”: эстонское дело. 1949–1952 гг. (в контексте советизации Балтии) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 89–102; Попов В.П. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 годы (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–31; Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере. 1917–1956 гг.: Всероссийская конференция / Отв. ред. Н.А. Морозов. Сыктывкар. 1993.

гионального механизма властвования, вопросам взаимоотношений центра и периферии.

В научной литературе подробное освещение нашли проблемы взаимоотношений власти и населения в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. В свое время советские ученые пропагандировали тезис о незыблемом единстве народа и власти¹⁴. В современной исторической литературе отношения власти и населения в 1941–1953 гг. рассматриваются как сложные и противоречивые¹⁵.

Самостоятельное освещение в отечественной литературе получили вопросы взаимоотношений крестьянства с властными органами в 1941–1953 гг.¹⁶ Свою нишу в разработке данной проблемы заняли исследования вологодских историков. Первоначально, в 1970–1980-е гг., основываясь на материалах по истории Европейского Севера России, ученые рассматривали вопросы помощи крестьянства фронту, мобилизации ресурсов колхозной деревни на нужды войны¹⁷. При этом акцент делался на массовый патриотический порыв населения. Сегодня преобладают исследования, отражающие сложный, противоречивый характер взаимоотношений северного крестьянства с властью. В работах М.А. Безнина, Т.М. Димони акцентируется внимание на социальном протесте колхозного крестьянства как неотъемлемой части его взаимоотношений с властью¹⁸. В целом авторы указывают на репрессивный характер воздействия власти на крестьянство, выразившийся в экономическом и внеэкономическом принуждении. Ответом крестьян на эти притеснения были различные формы протеста: от жалоб и писем в органы власти до открытых выступлений против действий чиновников. Характер взаимоотношений населения и местного чиновни-

¹⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. Т. 1–6. М., 1961–1965.

¹⁵ См., например: Алексеев Е.П., Старостенков Н.В. Великая Отечественная война: народ и власть // Социально-политический журнал. 1995. № 2. С. 3–19; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы (1945–1964). М., 1993.

¹⁶ Вербичка О.М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву: середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Вылцан М.А. Приказ и проповедь: способы мобилизации ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. 1995. № 3. С. 69–80; он же. Крестьянство России в годы Большой войны 1941–1945 годов. Пиррова победа. М., 1995; Зима В.Ф. “Второе раскулачивание” (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109–125; он же. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 г.): Сб. документов. М., 1993.

¹⁷ См., например: Баландин Н.И. Участие колхозного крестьянства во всенародной помощи фронту (1941–1945 гг.) // Вклад северного крестьянства в материальную и духовную культуру и его значение в решении проблем агропромышленного комплекса Нечерноземной зоны РСФСР. Вологда, 1984. С. 61–64; Гостинцев В.А. Мобилизация ресурсов колхозной деревни на нужды войны (на материалах Вологодской области) // Вклад северного крестьянства в материальную и духовную культуру и его значение в решении проблем агропромышленного комплекса Нечерноземной зоны РСФСР. Вологда, 1984. С. 55–60.

¹⁸ Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81–99; Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России): Дис ... канд. истор. наук. Вологда, 1996; она же. Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России в 1945–1960 гг. (проблемы взаимоотношений с властью) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 78–94; она же. Северное крестьянство и власть: формы противостояния в общественно-политическом конфликте (1945–1960 гг.) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 2. Вологда, 2001. С. 108–124.

чества в 1920–1930-е гг. на Европейском Севере России представлен в исследованиях Р.А. Малахова, Ю.А. Перебинос¹⁹.

Анализ историографии, посвященный изучению аппарата власти и его кадрового состава в 1940-е – начале 1950-х гг., позволил выявить ряд закономерностей. Наиболее разработанными и изученными являются структура аппарата партийных и государственных органов, принципы и методы осуществления кадровой политики, действие номенклатурного механизма, характер взаимоотношений власти и населения. При этом в большинстве работ дается характеристика социального состава и деятельности высших эшелонов власти. Провинциальное чиновничество, как особый слой советского общества в 1941-1953 гг., не стало объектом специального изучения. В разряд малоисследованных попали такие вопросы, как социально-демографическая характеристика провинциальных партийных и советских руководителей, особенности их карьерного роста, профессиональная деятельность, личные взаимоотношения, специфика механизма реализации власти на местах.

Целью исследования является изучение провинциального чиновничества как особой социальной группы советского общества периода 1940-х – начала 1950-х гг. Для достижения поставленной цели в диссертационной работе решаются следующие задачи:

- исследуется структура органов управления провинциальной власти на Европейском Севере России в рассматриваемый период;
- выявляется механизм комплектования чиновничьего аппарата;
- показывается динамика численности, дается характеристика половозрастного и национального состава провинциального чиновничества;
- анализируется социальное происхождение, партийность, уровень образования руководящих кадров;
- изучается степень материальной обеспеченности чиновников;
- выявляются особенности прохождения службы чиновниками в партийных и советских органах;
- анализируется характер взаимосвязей провинциального чиновничества в системе общественно-властных отношений.

Методология и методика исследования. Методологическую основу исследования составили принципы диалектики, историзма и научной объективности.

Принципы диалектики и историзма позволили рассмотреть проблему чиновничества Европейского Севера России в динамике, тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с историческими событиями, происходившими в рассматриваемый период в стране. Принцип научной объективности помог проанализировать проблему с учетом исторических реалий 1940-х – начала 1950-х гг. Еще совсем недавно роль объективного фактора явно абсолютизировалась.

---

¹⁹ Малахов Р.А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1918-1920-х годов (на материалах Архангельской и Вологодской губерний): Дис. ... канд. истор. наук. Вологда, 1999. Перебинос Ю.А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1930-х годов: Дис. ... канд. истор. наук. Вологда, 2000.

Диссертант придерживается мнения, что объективное и субъективное неразрывно связаны. В этой связи исследованию роли субъективного фактора в формировании механизма провинциальной власти в 1940-е – начале 1950-х гг. на Европейском Севере России придавалось особое значение.

Работа над диссертацией велась в рамках комплексного подхода с использованием как исторических, так и общенаучных методов. Сочетание методов конкретно-исторического и сравнительно-исторического анализа позволило изучить особенности функционирования системы провинциальной власти, профессиональной деятельности ее кадрового состава, выявить динамику численности и социально-демографическую характеристику провинциального чиновничества в 1940-е – начале 1950-х гг. Комплексное применение историко-сравнительного и историко-типологического методов позволило выделить в составе провинциального чиновничества три уровня: областной, районный и сельский; способствовало выявлению социально-демографических параметров регионального чиновничества разных групп должностей. Историко-генетический, статистический и социологический методы были задействованы при определении количественных и качественных характеристик изучаемого объекта, при изучении карьеры провинциальных чиновников. Эти же методы позволили проанализировать должностные перемещения партийных и советских чиновников, процесс ротации кадров и ее основные причины.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные документы и материалы 20 фондов шести федеральных и региональных архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Архангельской области (ГАО), Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Государственного архива общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГАОПДФ АО), Вологодского областного архива новейшей политической истории (ВОАНПИ). Вся совокупность изученных и использованных в исследовании источников делится на следующие группы: законодательные акты и нормативно-правовые документы органов исполнительной власти; документы коммунистической партии; делопроизводственная документация советско-партийного аппарата; информационно-справочные материалы, почерпнутые из периодической печати; источники личного происхождения.

Законодательные и нормативно-правовые акты раскрывают установленные руководством страны нормы, регламентировавшие деятельность органов власти. В диссертации использованы положения Конституции РСФСР, законы, постановления правительства, приказы наркоматов, совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, опубликованные в соответствующих сборниках документов.

Материалы коммунистической партии отражают реалии партийного строительства, принципы кадровой политики партии. В диссертации использованы документы XVIII и XIX съездов ВКП(б), XVIII-й конференции ВКП(б), конференций и пленумов партийных органов различных уровней.

Делопроизводственная документация советско-партийного аппарата объединяет организационно-распорядительные, отчетные, контрольные, учетные материалы, служебную переписку. Основной массив этих источников отложился в архивохранилищах РГАСПИ, ГАРФ, а также местных архивах и впервые введен автором в научный оборот. Комплекс *организационно-распорядительных документов* содержит положения, циркуляры, распоряжения, приказы, протоколы, штатные расписания партийных и советских органов. В диссертации использовано более восьмидесяти документов, освещающих порядок образования, реорганизации органов власти, их структуру и механизм кадрового обеспечения. *Отчетная документация* представлена докладными записками, отчетами, информационными справками и сведениями, отражающими основные направления деятельности партийно-советских органов, качество работы чиновников, их социально-демографические характеристики. В работе использовано более сотни документов подобного рода. *Контрольная документация*, включающая обзоры, справки, докладные записки, содержит информацию о функционировании властного механизма в провинции, профессиональной деятельности чиновников, характере взаимоотношений между сотрудниками в партийно-советском аппарате. В диссертации использовано около двух десятков таких документов.

Учетные документы включают в себя материалы номенклатурного учета, сведения, сводки, справки, списки, статистическую отчетность о состоянии кадров, персональные карточки. В процессе работы использовано более сотни учетных документов. Материалы номенклатурного учета (номенклатурные списки, инструкции по ведению номенклатуры) позволили охарактеризовать кадровую политику в отношении провинциальных органов власти. Статистическая отчетность, списки, справки, сведения о личном составе способствовали определению численности и выявлению социально-демографического портрета чиновников на Европейском Севере России в исследуемый период.

В работе над диссертацией использовано более пятидесяти документов *служебной переписки* чиновников различного уровня, которые содержат информацию о взаимоотношениях в чиновничьей среде, механизме принятия решений по различным вопросам.

Информационно-справочные материалы, почерпнутые из периодической печати, содержат постановления и распоряжения конституционных и чрезвычайных органов власти, информацию по вопросам политического и экономического развития региона. В диссертации использованы материалы изданий «Правда Севера» (Архангельск), «Красный Север», (Вологда), «Большевицкая мысль» (Архангельск), «Блокнот агитатора» (Вологда).

Помимо документов официального характера, в диссертации использованы *источники личного происхождения* (письма граждан, воспоминания и дневники). Используемые в диссертации письма адресованы руководителям высших органов власти, лично Сталину, региональным чиновникам, а также редакциям местных периодических изданий. Большинство писем граждан содержит жалобы на действия чиновников. Данные источники помогают реконструировать

происходившие в 1940-х – начале 1950-х гг. реальные процессы, позволяют увидеть социально-политический портрет власти глазами простых людей. В работе привлечены воспоминания Д.Д. Томилова – в годы войны секретаря Маймаксанского РК ВКП(б) г. Архангельска, после войны – секретаря Архангельского горкома ВКП(б), председателя контрольно-партийной комиссии Архангельского обкома КПСС. Несмотря на определенный субъективизм, его воспоминания содержат немало ценных для нас наблюдений²⁰. Особое место среди использованных источников занимают материалы дневника Н.А. Рибковского, которые весьма многогранно дополняют картину жизни партийно-советской элиты, содержат малоизвестные сведения, касающиеся материальной обеспеченности партийных чиновников, их быта, работы и отдыха в годы войны. Некоторые фрагменты дневника были опубликованы Н.Н.Козловой²¹.

Научная новизна работы состоит в том, что она представляет собой первый опыт комплексного исследования провинциального чиновничества Европейского Севера России 1940-х – начала 1950-х гг. Впервые на основе вновь вводимого в научный оборот обширного комплекса архивных источников рассмотрены вопросы социально-профессиональных и количественных характеристик руководящих работников советско-партийных органов провинциальной власти, исследованы особенности управленческой деятельности и карьеры чиновничества.

Практическая значимость работы. Исторический материал и выводы диссертации могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения проблемы провинциального аппарата власти Советской России, при разработке спецкурсов по социально-политической истории России, а также при подготовке краеведческих изданий, отражающих историю Европейского Севера России 1940-х – начала 1950-х гг.

Апробация результатов работы проводилась на межрегиональных и межвузовских научных и научно-практических конференциях: “Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век” (Архангельск, сентябрь 1999 г.); “60-летие ВОАНПИ” (Вологда, март 2000 г.); “Региональные аспекты истории государственной службы и местного самоуправления (XV – XX вв.)” (Вологда, 14 марта 2002 г.); “Крестьянство и власть на Европейском Севере России” (Вологда, 6-7 февраля 2003 г.); “Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса” (Вологда, февраль 2004 г.).

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, 43 приложений.

---

²⁰ Томилов Д.Д. В суровую годину // Правда Севера (Архангельск). 1975. 28-30 марта.

²¹ Козлова Н.Н. Сцены из жизни «освобожденного работника» // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 108-109.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во введении обоснована актуальность темы, определены хронологические и территориальные рамки исследования, сделан историографический обзор, представлена источниковая база, определены цель и задачи исследования.

Первая глава “Провинциальная власть” включает два параграфа. В первом параграфе представлена структура партийных и советских органов на Европейском Севере России в 1940-е – начале 1950-х гг., выявлены основные факторы, влиявшие на ее развитие, определена степень участия провинциального чиновничества в этом процессе. К началу 1940-х гг. провинциальная власть на Европейском Севере России была строго централизована: областные комитеты партии сосредоточили в своих руках власть не только в политической, но и в хозяйственно-экономической сфере. В годы Великой Отечественной войны система власти Архангельской и Вологодской областей была построена на максимальной концентрации политического, хозяйственного и военного руководства. Это выразилось в создании на территории Архангельской и Вологодской областей местных комитетов обороны. Так, 25 октября 1941 г. совместным постановлением бюро обкома ВКП(б) и облисполкома Вологодской области был организован Вологодский комитет обороны²². Тогда же было принято решение о создании Череповецкого комитета обороны. Архангельский городской комитет обороны был создан 14 сентября 1942 г. Таким образом, на территории Архангельской и Вологодской областей в годы войны действовали 3 местных комитета обороны, которым подчинялись 4 города и 11 сельских районов. Анализ личного состава местных комитетов обороны показывает, что в них были включены представители всех ветвей власти. Партийные органы представляли первые секретари обкомов (горкомов) ВКП(б), правоохранительные – начальники управлений (отделов) НКВД, Советы – председатели облисполкомов (горисполкомов), военные органы – военные коменданты. Такой состав позволил сконцентрировать в руках ограниченного круга руководителей военную, партийную, государственную и судебную власть. Местные комитеты обороны, являясь чрезвычайными органами управления, с одной стороны, решали задачу максимальной централизации политического, хозяйственного и военного руководства на закрепленных территориях, а с другой, как показывает анализ их деятельности, – усиливали роль партийного аппарата, так как фактически являлись оперативными органами управления обкомов (горкомов) ВКП(б) в военное время.

Вместе с тем война потребовала перестройки структуры и собственно аппаратов партии и исполкомов Советов на региональном уровне. При этом структурные изменения в аппаратах парткомов и исполкомов Советов Архангельской и Вологодской областей имели свою специфику. Война не прервала довоенную тенденцию создания при парткомах новых отраслевых отделов, наоборот, она ее еще более усилила. Так, если в довоенное время структура Воло-

---

²² ВОАНПИ. Ф. 3868. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

годского обкома ВКП(б) включала 8 отделов, а штатным расписанием предусматривалось функционирование 5 секретарей обкома, то к концу 1943 г. в структуре Вологодского обкома было уже 13 отделов, а штатным расписанием устанавливалось 12 должностей секретарей обкома. Такие же по своему масштабу изменения произошли в структуре Архангельского обкома. В конце 1943 г. в его кадровом составе было 12 секретарей обкома и 13 отделов. Только за 1943 г. в обкомах партии двух северных областей дополнительно было создано 8 отраслевых отделов и установлено 8 должностей секретаря обкома²³.

Расширение штатов и образование новых подразделений иницировалось местным партийным руководством. Показательной в этом плане являлась деятельность первого секретаря Архангельского обкома ВКП(б) Г.П. Огородникова. В своих докладных записках и личных обращениях в адрес центральных партийных органов он многократно предлагал увеличить количество и штаты структурных подразделений парторганов Архангельской области. Нередко эти предложения удовлетворялись ЦК ВКП(б).

Несколько иная ситуация наблюдалась в исполнительных комитетах Советов. Прежде всего, в исполкомах были созданы характерные для военного времени органы оперативного управления. В отличие от партаппарата, где новые отделы создавались "на пустом месте", перестройка исполкомов нередко проходила за счет трансформации старых, довоенных подразделений. К примеру, решением ГКО от 26 сентября 1941 г. при облисполкомах устанавливались аппараты уполномоченных по эвакуации населения. При этом ликвидировались переселенческие отделы облисполкомов. В горисполкомах появились горуполномоченные по эвакуации населения, а в структуре райисполкомов вводились должности инспекторов по устройству эвакуированных граждан²⁴. В итоге количество отделов, управлений облисполкомов значительно увеличилось, возросло число заместителей председателей облисполкомов. Так, количество структурных подразделений Вологодского облисполкома в 1941 г. составляло 20 единиц, а в штатном расписании на 1946 г. их было уже 32²⁵. Количество заместителей председателей Вологодского облисполкома в 1941 г. составляло три единицы, а в 1944 г. их было уже семь²⁶.

В послевоенные годы тенденция к реорганизации структуры государственных и партийных органов на местах сохранялась, что было вызвано, с одной стороны, окончанием войны и переходом на мирные рельсы, а с другой – решением задач по скорейшему восстановлению народного хозяйства. Наиболее масштабная реорганизация провинциального партийного аппарата была осуществлена в 1948-1949 гг. Она была направлена на усиление политической составляющей деятельности партаппарата и на сокращение ее производственно-хозяйственных функций. Для решения этих вопросов в соответствии с поста-

²³ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 414. Л. 95.

²⁴ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 517. Л. 7-9.

²⁵ Там же. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 996. Л. 103.

²⁶ Там же. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 596. Л. 4; Д. 682. Л. 124.

новлением секретариата ЦК ВКП(б) от 14 апреля 1948 г. в Москве была образована штатная комиссия ЦК ВКП(б)²⁷.

К работе над реорганизацией были привлечены и провинциальные чиновники. К примеру, первый секретарь Архангельского обкома ВКП(б) Б.Ф. Николаев в докладной записке в ЦК от 28 августа 1948 г. предлагал новую структуру обкома, которая предусматривала сокращение числа отделов с 13 до 8. Одновременно предусматривалось создание отдела промышленности и отдела лесной промышленности, которые, по мнению разработчика, учитывали бы экономические особенности региона. Однако последнее предложение было отклонено штатной комиссией ЦК²⁸. В целом, как показали результаты реформы, мнение регионального руководства штатной комиссией ЦК ВКП(б) учитывалось не в полной мере. Реформа была завершена с принятием постановлений ЦК ВКП(б) "О реорганизации аппаратов обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик" от 25 октября 1948 г. и "О реорганизации аппаратов райкомов, горкомов, окружкомов ВКП(б)" от 30 декабря 1948 г. В результате в обкомах сократилось количество отделов, был упразднен ряд должностей. Например, в Архангельском обкоме партии после преобразований осталось 8 отделов, упразднились отдел кадров, отделы школ, торговли, военный, организационно-инструкторский²⁹.

Таким образом, в послевоенный период партийным органам на местах предписывалось сосредоточить усилия на общем политическом руководстве, а исполкомам Советов - на практической реализации социально-экономической политики государства. При этом ведущее место в системе провинциальной власти отводилось структурным подразделениям партийно-советских органов в приоритетных для региона отраслях экономики - лесной промышленности и сельского хозяйства.

Во втором параграфе изучены порядок и принципы комплектования местного партийно-советского аппарата, критерии отбора чиновников на руководящие посты в провинциальных органах власти, рассмотрен характер взаимодействия различных ведомств и уровней власти при решении кадровых вопросов. Подбор и расстановка чиновников в органах провинциальной власти в изучаемый период осуществлялись через номенклатурную систему, которая объективно способствовала упорядочению организационно-партийной работы и сыграла в целом положительную роль в комплектовании и обеспечении кадрового ресурса провинциальной власти, особенно в военное время.

В период Великой Отечественной войны количество должностей, подлежащих учету по партийной номенклатуре, менялось. Так, с началом войны номенклатура обкомов увеличилась. К примеру, с 3 июня 1942 г. номенклатура Вологодского обкома стала включать 2971 должность и таким образом возросла, по сравнению с довоенным периодом, на 12,5%³⁰. В 1943 г. она была сокра-

²⁷ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 682. Л. 171.

²⁸ ГАОПДФАО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 512. Л. 55-56.

²⁹ Там же. Д. 494. Л. 4.

³⁰ ВОАНПИ Ф. 2522. Оп. 6. Д. 110. Л. 121.

щена на 9%. Аналогичные процессы происходили и в рамках номенклатуры Архангельского обкома. Номенклатура среднего уровня (окружкома, райкомов, горкомов), напротив, за годы войны значительно возросла. В частности, если на 1 июля 1943 г. номенклатура окружкома, горкомов и райкомов Архангельской парторганизации составляла 6335 должностей, то на 1 января 1946 г. в нее вошло уже 12255 должностей. В 1947 г. численность номенклатуры Архангельского обкома ВКП(б) была сокращена на 610 должностей (24%) и составила 1947 должностей. С 1947 г. по март 1953 г. количественные показатели номенклатуры Архангельского обкома не претерпели существенных изменений и на протяжении указанного периода оставались стабильными – в среднем на уровне 2000 человек. В последней трети 1940-х – начале 1950-х гг. тенденция к стабилизации показателей численности номенклатур прослеживалась и на среднем уровне местной власти.

В рамках номенклатурной системы регулировались взаимоотношения партийно-советских органов разного уровня по решению кадровых проблем. Назначение большей части провинциальных чиновников контролировалось узким кругом бюро соответствующего партийного комитета. При этом в структуре номенклатурных списков был целый ряд должностей, которые подлежали одновременному учету сразу в нескольких партийных комитетах. Так, из 475 должностей, проходящих по учетно-распределительной номенклатуре Плесецкого РК ВКП(б) в 1942 г., 70 ответственных работников входили в номенклатуру Архангельского обкома, решение об их назначении принималось на бюро обкома³¹.

Назначение на ведущие руководящие должности в системе провинциальной власти на Европейском Севере России в 1940-е – начале 1950-х гг. осуществлялось и в соответствии с номенклатурой ЦК ВКП(б). Причем на номенклатурном учете в ЦК ВКП(б) состояли не только чиновники обкомов ВКП(б), но и часть ответственных работников районного и городского звеньев. Таким образом, через номенклатуру ЦК центральное руководство страны контролировало ключевые кадровые назначения в системе региональной власти на всех ее уровнях.

Основным способом комплектования чиновничьих должностей было назначение с нижестоящих на вышестоящие. В источниках о текучести и перемещении кадров этот процесс получил наименование “выдвиженчества”, “выдвижения”. Масштабы выдвиженчества в первой половине 1940-х гг. были значительными. Так, всего за годы войны на руководящие должности номенклатуры Архангельского обкома было выдвинуто 4096 человек, номенклатуры окружкома, горкомов и райкомов – 16229 человек, что сопоставимо с численностью всей номенклатуры Архангельской области предвоенного периода. При этом важно отметить, что, с одной стороны, выдвиженчество решало проблему замещения руководящих должностей, устранения дефицита кадров среди чи-

---

³¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 1269. Л. 38.

новников, а с другой – приводило к обострению “кадрового голода” на низшем уровне власти.

Комплектование кадров в годы войны частично происходило за счет привлечения эвакуированных из других областей руководящих работников. Так, П.Я. Литвинов, заведующий отделом ЦК ВКП(б) Латвии, прибывший на территорию Вологодской области в эвакуацию, был утвержден в должности заведующего оргинструкторским отделом обкома ВКП(б); А.И. Красикова, секретарь Псковского РК ВКП(б) Ленинградской области, была утверждена вторым секретарем Череповецкого РК ВКП(б)³². Также применялась практика предоставления персональных отсрочек от призыва в РККА отдельным номенклатурным работникам. Так, секретарь Архангельского обкома ВКП(б) С.С. Голошинов в апреле 1943 г. обратился к председателю комиссии по отсрочкам от призыва СНК СССР Н.М. Швернику с просьбой предоставить персональные отсрочки 13 заведующим военными отделами парткомов наиболее крупных районов области³³. В целом централизованный подбор и расстановка кадров в годы войны позволяла достаточно эффективно перераспределять руководящие кадры для нужд фронта и тыла.

Реформа партийных органов 1948 г. повлекла за собой ликвидацию отделов кадров партийных комитетов, что означало изменение действия номенклатурного механизма. Ранее именно в отделах кадров решалась судьба конкретных работников. Функции отдела кадров по комплектованию были переданы в отраслевые отделы, которые лучше знали кадровую ситуацию в сфере своей деятельности. Таким образом, работа с кадрами оказалась «распылена» по отдельным структурам, но последнее слово все же оставалось за бюро соответствующего парткома. Вместе с тем сохранился контроль со стороны ЦК партии за провинциальными кадрами.

Помимо номенклатуры партийных комитетов на региональном уровне в изучаемый период существовала и номенклатура различных ведомств, по которой проходили чиновники отраслевых отделов и управлений облисполкомов, райисполкомов, руководящие работники сельского уровня. Количественные показатели ведомственной номенклатуры были ниже, чем партийной. Комплектование должностей номенклатуры райисполкомов, горисполкомов и облисполкомов согласовывалось с соответствующими партийными комитетами. Не последним было и прямое исполнение решений парткомов о перемещении чиновников советских органов власти³⁴. Таким образом, ведомственная номенклатура носила подчиненный характер по отношению к номенклатуре обкомов, горкомов и райкомов партии. При этом в 1940-е – начале 1950-х гг. механизм действия ведомственной номенклатуры копировал действия номенклатурного механизма партийной системы.

---

³² ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 387. Л. 30.

³³ Там же. Д. 1414. Л. 6.

³⁴ ГАВО. Ф. 1719. Оп. 1. Д. 255. Л. 2.

Вторая глава «Численность, состав и материальное положение провинциального чиновничества в 1940-е – начале 1950-х гг.» содержит три параграфа.

В первом параграфе рассмотрены численность, половозрастной и национальный состав провинциального чиновничества. По данным на 1 января 1941 г. общая численность чиновников Архангельской и Вологодской областей всех уровней власти составляла 5452 человека, в том числе руководящих работников исполкомов Советов – 3713 человек, ответственных сотрудников партаппарата – 1739 человек³⁵. К началу 1953 г., по сравнению с 1941 г., численность всего чиновничества двух северных областей увеличилась на 11% и составила около 6,5 тыс. человек. При этом доля чиновников в социальной структуре населения Архангельской и Вологодской области на 1 января 1953 г. составляла 0,2% от общей численности населения, проживающего на территории этих областей. За годы войны на областном уровне власти произошли значительные изменения численности как партийных, так и советских чиновников. С 1941 г. по 1945 г. штатная численность партийных работников Архангельского обкома ВКП(б) возросла на 35,5% и к 1 января 1945 г. составила 149 человек³⁶. Количество ответственных работников Вологодского обкома ВКП(б) в течение 1941 – 1945 гг. выросло почти на 32% и к 1 января 1945 г. составило 124 человека³⁷. Увеличение численности работников обкомов ВКП(б) в годы войны было связано с усилением роли партийных органов в сфере хозяйственной деятельности и созданием в их структуре дополнительных отраслевых отделов. Численность руководящих работников каждого из исполкомов областных Советов в течение войны возросла на 70% от уровня предвоенного периода³⁸, что было вызвано как созданием новых отделов, управлений и других структурных подразделений, характерных для военного времени, так и расширением штатов уже существовавших отделов. За годы войны штатная численность чиновников сельских райкомов Вологодской и Архангельской областей уменьшилась на 15,9% и 22,5% соответственно³⁹, однако численность городских партийных комитетов Архангельской и Вологодской областей в течение войны возросла, что компенсировало снижение общей численности партаппарата среднего уровня власти в рассматриваемых регионах.

В 1920–1930-е гг. политика центральных и региональных властей была направлена на вовлечение определенного количества женщин в сферу управления, и их представительство в государственном и партийном аппаратах к началу 1940 г. возросло. Данная тенденция усиливается в годы Великой Отечественной войны. Доля женщин – руководящих работников облизполкомов – по сравнению с довоенным периодом в Архангельской области возросла на 50%,

³⁵ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1; ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 139. Л. 29; Л. 30; Л. 32; Л. 42; ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1112. Л. 19; ГА АО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Г. Л. 22.

³⁶ ГАОПДФ АО. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 2152. Л. 20.

³⁷ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 601. Л. 4.

³⁸ ГА АО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Г. Л. 22; Оп. 1. Д. 2059. Л. 51; Л. 52; ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 596. Л. 4; Ф. 1401. Оп. 1. Д. 996. Л. 103.

³⁹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 601. Л. 13; ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 2152. Л. 190б.

а в Вологодской – на 30%. Анализ динамики изменений в половом составе чиновничества в военный период показывает, что наибольший процент представительства женщин во властных структурах городских и районных исполнительных комитетов приходится на конец 1943 – начало 1944 года.

За годы войны представительство женщин в аппаратах исполкомов среднего уровня власти увеличилось в Архангельской области в 1,8 раза, а в Вологодской области – в 2,6 раза.

Наиболее значительным в абсолютном выражении представительство женщин во власти было в сельских и поселковых Советах, и к 1 января 1944 г. они составляли более половины сельских чиновников. Вместе с тем ключевые должности в аппаратах областного, районного и сельского уровня местной власти продолжали принадлежать мужчинам.

Накануне Великой Отечественной войны среди руководящих работников аппаратов обкомов ВКП(б) Архангельской и Вологодской областей преобладающей возрастной группой являлись чиновники 31–45 лет. В начальный период войны преимущественное положение в аппаратах обкомов занимали работники молодого (до 30 лет) и среднего (от 31 года до 45 лет) возраста.

В послевоенный период в составе чиновников аппаратов Архангельского и Вологодского обкомов ведущими возрастными группами становятся работники старше 35 лет. Ответственные работники Архангельского и Вологодского обкомов в возрасте 36–45 лет в послевоенный период преобладали практически во всех должностных группах. В послевоенный период преобладающей возрастной категорией в аппаратах горкомов и райкомов партии, как и до войны, были работники в возрасте 26–35 лет. Омоложение районного партаппарата в последней трети 1940-х – начале 1950-х гг. было связано с притоком молодых кадров на должности заведующих отделами и инструкторов. При этом группа секретарей оставалась самой возрастной. У власти находились зрелые, уже сформировавшиеся как руководители люди в возрасте 35–45 лет. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что на протяжении 1940-х – начала 1950-х гг. доминирующей являлась тенденция «старения», «взросления» чиновников. Особенно заметным этот процесс был в период Великой Отечественной войны, что обуславливалось объективными факторами военного времени (призыв молодых чиновников на фронт). После войны «старение» более всего наблюдалось на уровне областных партийных руководителей.

В 1940-е – начале 1950-х гг. весь чиновничий аппарат Архангельской и Вологодской областей – от областного уровня до сельсоветов – почти полностью был укомплектован русскими. В послевоенные годы количество представителей других национальностей в составе руководящих работников несколько увеличилось. Несмотря на то, что русские преобладали в составе советско-партийных работников региона, отдельные представители других национальностей занимали довольно высокие должности в советских и партийных структурах, особенно среднего уровня. В исследуемый период национальный состав местного чиновничества в целом отражал особенности национального состава всего населения региона. При этом ключевые должности в советских и партий-

ных органах власти принадлежали преимущественно чиновникам русской национальности.

Второй параграф посвящен исследованию вопросов социального происхождения, партийности, образования провинциальных чиновников, их материального положения. В изучаемый период основная масса чиновников по социальному происхождению являлась представителями рабоче-крестьянской среды. Так, первый секретарь Вологодского обкома ВКП(б) в 1942–1945 гг. Б.Ф. Николаев родился в семье рабочих⁴⁰. Председатель Архангельского облисполкома в 1946–1948 гг., а затем первый секретарь Архангельского обкома ВКП(б) в 1948–1955 гг. И.С. Латунов был выходцем из крестьянской семьи⁴¹. В годы войны большинство работников облисполкомов (свыше 75%) являлись по своему социальному происхождению крестьянами. Доля работников аппаратов районных исполнительных комитетов – крестьян по социальному происхождению – была выше, чем в облисполкомах и горсоветах.

В послевоенные годы в аппаратах райисполкомов ведущее положение занимали крестьяне, а участие во власти выходцев из служащих и рабочих было минимальным. Анализ состава сельских чиновников в 1940-е г. показывает почти абсолютное преобладание работников из крестьянской среды, что обусловлено преобладанием сельского населения на этих территориях. В целом состав чиновников по социальному происхождению отражал структуру населения на территории Европейского Севера России, где большинство составляло крестьянство.

В 1940-е гг., как и в предыдущие два десятилетия, членство в коммунистической партии играло значительную роль в карьере чиновников. При этом с конца 1930-х гг. продолжительность пребывания в партии не являлась главным фактором карьерного роста. Решающее воздействие оказывал сам факт принадлежности к коммунистической партии. В начале 1940-х гг. состав чиновников облисполкомов Архангельской и Вологодской областей почти полностью (97%) был укомплектован коммунистами. Среди чиновников среднего звена доля беспартийных работников составляла 8,8% и была более чем в два раза выше, чем на областном уровне партийно-советского аппарата. Среди сельских чиновников в 1940-е гг. представительство членов партии было наименее значительным и составляло 44,8%. В 1940-е гг. на провинциальном уровне власти произошла смена партийных поколений. Если в первой половине 1940-х гг. ведущие посты в регионе занимали руководители, вступившие в партию в годы сталинских пятилеток, то во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. ключевые должности занимали чиновники, вступившие в партию в годы войны и послевоенный период.

В 1940-е гг. все более заметное значение для карьерного роста провинциальных чиновников приобретает образование. На протяжении 1940-х – начала 1950-х гг. образовательный уровень чиновников партийно-советского аппарата значительно вырос. К началу 1953 г. около половины чиновников облисполко-

⁴⁰ ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 9. Д. 9233. Л. 3-3об.

⁴¹ ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 9. Д. 7223. Л. 3-3об.

мов обладали высшим и незаконченным высшим образованием, а 42% – имели среднее образование. Среди ответственных работников обкомов более 60% сотрудников обладали высшим и незаконченным высшим образованием, а 28% – средним. Таким образом, в начале 1950-х гг. образовательный уровень чиновников областного партаппарата стал превышать уровень образования чиновников облисполкомов. В составе руководящих работников районного и городского звена советско-партийного аппарата в начале 1950-х гг. 17% имели высшее и незаконченное высшее образование, а около 30% – среднее. Как и в 1920–1930-е гг. группа сельских чиновников по уровню образования в изучаемый период была наиболее отсталой. В ее составе в начале 1950-х гг. доля работников со средним образованием составляла менее 5%. Недостаток общего образования пытались компенсировать обязательной политической подготовкой в разветвленной системе партийного просвещения и на курсах советского строительства.

Третий параграф посвящен рассмотрению материального положения провинциальных чиновников. Основной составляющей денежных доходов провинциального чиновничества являлась заработная плата. В течение 1940-х – начала 1950-х гг. заработная плата всех категорий провинциального чиновничества неоднократно повышалась. Пересмотр должностных окладов чиновников производился по решениям центра. В 1940-е – начале 1950-х гг. существовала практика назначения персональных окладов чиновникам советских органов власти. В партийном аппарате такая практика отсутствовала, а применялся механизм закрепления за чиновником на новом месте работы должностного оклада, который выплачивался ему по ранее занимаемой должности.

Зарботная плата провинциальных чиновников была намного выше оплаты труда местного населения. К примеру, в 1944 г. среднемесячная заработная плата чиновников Вологодского партаппарата составляла 837,6 руб., в то время как среднемесячная заработная плата рабочих и служащих составляла 195,3 руб. Это было в 4-5 раз меньше зарплаты чиновников Вологодского партаппарата⁴².

Другой составляющей материального обеспечения провинциального чиновничества в 1940–1950-е гг. являлась система льгот и привилегий. Она была дифференцирована по уровням власти, устанавливалась центром и включала социально-бытовое обслуживание, льготное налогообложение, спецснабжение продовольственными и промышленными товарами, санаторно-курортное лечение в спецсанаториях ЦК ВКП(б), дополнительное питание и т.д. Льготы и привилегии распространялись не на все группы местного чиновничества, а только на областной и районный. Тенденция к улучшению материального положения провинциального чиновничества в период 1940-х – начала 1950-х гг. прослеживается как в увеличении должностных окладов, так и в увеличении объема льгот и привилегии чиновников.

Третья глава «Профессиональная деятельность провинциального чиновничества» состоит из двух параграфов. В первом параграфе исследова-

---

⁴² ГАВО. Ф. 1703. Оп. 11. Д. 2766. Л. 1.

ны вопросы, связанные с прохождением службы чиновниками в партийных и советских аппаратах, рассмотрены стаж руководящей работы, длительность нахождения в конкретной ответственной должности, сведения о предыдущей деятельности чиновника, уровень сменяемости партийно-советского аппарата. Анализ динамики изменений в составе чиновников Европейского Севера России показывает, что, по сравнению с началом 1941 г., к 1 января 1953 г. доля работников с общим стажем партийной работы более 5 лет увеличилась в шесть раз, а доля работников обкома с общим стажем партийной работы до 5 лет уменьшилась в два раза. Стаж ответственной партийной работы у чиновников районных и городских партийных аппаратов перед войной был небольшим. В составе секретарского корпуса райкомов и горкомов преобладали работники, начавшие партийную карьеру в первой половине 1930-х гг. Среди остальных ответственных работников РК и ГК ВКП(б) большинство составляли сотрудники, которые пришли на ответственную партийную работу после репрессий 1937–1938 гг.

В первой трети 1940-х гг. среди чиновников райкомов и горкомов ВКП(б) преобладали работники с общим стажем руководящей партийной работы до 3-х лет. Со второй половины 1940-х гг. наметился устойчивый рост доли ответственных работников, обладавших общим стажем руководящей партийной работы от 5 до 10 лет и более. В итоге в начале 1950-х гг. большинство партийных чиновников обладало достаточно весомым опытом руководящей работы. При этом среди районных партчиновников преобладала группа работников, начавших партийную карьеру в период войны и первые послевоенные годы.

Стаж руководящей деятельности председателей исполкомов областных Советов в первой половине 1940-х гг. был довольно значительным и в среднем составлял более 10 лет. Другие чиновники облисполкома имели меньший опыт руководящей деятельности, чем председатели. Большинство руководящих работников облисполкомов имели минимальный опыт масштабной управленческой деятельности и пришли во власть после репрессий 1937–1938 гг. За годы войны общий стаж административной деятельности большинства чиновников уровня облисполкома возрос. В первые послевоенные годы в составе чиновников облисполкомов наблюдалось снижение доли сотрудников с опытом руководящей советской работы более 5 лет, и, напротив, увеличение группы работников со стажем до 1 года и от 1 до 2 лет. Таким образом, в составе чиновников облисполкомов в послевоенный период произошла смена поколений: в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в облисполкомах работали чиновники, которые пришли во власть преимущественно в 1947–1948 гг.

Стаж руководящей деятельности чиновников райисполкомов и горсоветов в начале 1940-х гг. был существенно больше, чем у ответственных работников аппаратов райкомов и горкомов партии – большая их часть находилась на руководящих постах с середины 1930-х гг. Ситуация меняется к концу войны: среди чиновников исполкомов среднего уровня власти Архангельской и Вологодской областей преобладают работники, которые пришли во властный аппарат в военное время. Во второй половине 1940-х гг. в партийных и советских аппа-

ратах среднего звена доминировали сотрудники с опытом руководящей работы от 2 до 5 лет и более. В начале 1950-х гг. среди чиновников исполкомов и горсоветов большинство составили сотрудники, которые начали свою карьеру во второй половине 1940-х гг.

К 1953 г. доля сотрудников советского и партийного аппарата со стажем руководящей работы до 1 года уменьшилась. Преобладающее положение в составе председателей сельсоветов стали занимать работники со стажем работы в Советах от 2 до 5 лет. Анализ сведений о стаже работы в конкретной должности показал, что к началу 1950-х гг. продолжительность их пребывания на той или иной руководящей должности увеличилась по сравнению с довоенным и военным уровнем с 1,5 до 3 лет. В рассматриваемый период выделялось несколько типов карьеры провинциальных чиновников, основными из которых были аппаратный и производственный. Характер должностных перемещений в 1940-е – начале 1950-х гг. отражал особенности социальной мобильности советских и партийных чиновников.

Во втором параграфе исследованы вопросы взаимодействия чиновников и различных ведомств, уровень управленческой культуры ответственных работников, организационная сторона процесса управления. В целом в 1940-е – начале 1950-х гг. эти взаимоотношения строились на основе жесткого подчинения местной власти центру. В первой половине 1940-х г. наблюдалась жесткая централизация политического, хозяйственного и военного руководства. В годы войны еще более укрепились директивный, командный стиль руководства местных органов власти. В то же время чрезвычайные условия военного времени, персонификация ответственности способствовали развитию самостоятельности чиновников, которые должны были сами решать неотложные проблемы, не бояться брать ответственность на себя.

Послевоенный период во взаимоотношениях между центральными и местными чиновниками ознаменовался возвратом к репрессиям. Теперь они носили локальный характер и широко не освещались в прессе, как это было в конце 1930-х гг. В 1948–1949 гг. в Архангельской и Вологодской областях в аппаратах парткомов и исполкомов Советов всех уровней прошла массовая ротация кадров, причем сменились в основном чиновники с длительным стажем руководящей работы. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. центр по отношению к северному провинциальному чиновничеству проводил политику «закручивания гаек», ужесточал контроль над местными руководителями.

В изучаемый период особого внимания заслуживает проблема взаимоотношений чиновников партийных и правоохранительных органов. Если во второй половине 1930-х гг. имела место скрытая конфронтация между работниками НКВД и партийного аппарата, то в 1940-е гг. наблюдались сложные, противоречивые взаимоотношения партийных чиновников и работников судебно-прокурорских органов. Выполнение указаний вышестоящего руководства нередко заставляло чиновников применять по отношению к подчиненным методы административного нажима и привлечения к уголовной и партийной ответственности за срыв или несвоевременное решение поставленных задач.

Местные чиновники в годы войны и послевоенное время работали с тем же напряжением, что и большинство населения. Часто они демонстрировали примеры самоотверженности, самопожертвования ради победы и скорейшего восстановления разрушенного хозяйства. Вместе с тем стиль общения руководителей с коллегами и гражданами в ряде случаев характеризовался бюрократизмом, грубостью, фамильярностью. Разумеется, это способствовало дискредитации власти в глазах населения.

Высшее руководство в годы войны не «избивало» местные кадры, не подвергало их массированным репрессиям. Чрезвычайные условия военного времени обусловили появление нового типа провинциального чиновника, способного самостоятельно принимать ответственные решения и браться за неотложные проблемы. Эффективность выполнения поставленных задач достигалась во-первых, благодаря высокой степени ответственности за порученное дело, а, во-вторых, безграничной верой в мудрость и правильность решений И.В. Сталина, уверенностью в победе над фашистской Германией.

В послевоенный период политическое руководство страны, опасаясь излишней самостоятельности и независимости региональных руководителей, возобновило репрессии и чистки, что серьезно ослабляло практическую деятельность чиновников на местах. Препятствием на пути эффективной работы местных чиновников являлась излишняя регламентация, мелочная опека со стороны вышестоящего руководства, выражавшаяся в потоке отчетности, проверок и перепроверок, не всегда рациональная организация труда самого аппарата. Дезорганизующим фактором в работе провинциального чиновничества выступала также низкая управленческая культура, осложнявшая взаимодействие в своей среде и с населением.

В **заключении** подведены основные итоги исследования. На формирование структуры органов управления провинциальной власти на Европейском Севере России в первой половине 1940-х гг. наибольшее влияние оказала Великая Отечественная война. Послевоенные реорганизации партийно-советских органов, проводимые центром, были направлены на поиск оптимальной управленческой структуры, которая отражала экономические и национальные особенности региона второй половины 1940-х – начала 1950-х гг.

Изучение особенностей партийного контроля над провинциальным чиновничеством показало, что фактически власть на местах, как и в центре, принадлежала партийным органам. Комплектование чиновничьего аппарата в изучаемый период осуществлялось посредством номенклатурного механизма, действие которого было всеобъемлющим и оказывало решающее влияние на формирование социально-профессиональной группы провинциальных чиновников. Основным источником пополнения кадров являлись работники крестьянского происхождения.

Анализ социально-профессионального состава провинциального чиновничества показал, что тенденция к увеличению численности ответственных работников партийно-советского аппарата, существовавшая на изучаемой территории в предшествующие годы, сохранилась и на протяжении 1940-х – начала

1950-х гг. В целом численность чиновников в социальной структуре населения региона в изучаемый период превысила довоенный уровень на 10%. Чиновничьи должности в этот период занимали работники в возрасте 35–45 лет. Принадлежность к партии в 1940-е – начале 1950-х гг. играла заметную роль в карьерном продвижении чиновников. Однако партстаж уже не имел решающего значения. Более важным в этот период для карьерного роста становится образование чиновников. К началу 1950-х гг. образовательный уровень партийных чиновников стал превышать уровень образования работников исполкомов Советов. Изучение материального положения чиновников выявило неоднородность этой группы. В 1940-е – начале 1950-х гг. заработная плата оставалась основным источником материального благополучия чиновников всех уровней. Однако льготы и привилегии ответственных работников областного и районного звена существенно повышали их материальное положение.

Взаимоотношения местной власти с населением носили сложный, противоречивый характер. Принудительные меры, административные действия местной власти, вызванные давлением «сверху», низкий уровень общей и управленческой культуры, некомпетентность отдельных работников порождали негативное отношение к чиновникам со стороны населения. Получила дальнейшее развитие тенденция эволюции чиновничества 1930-х годов, ориентирующегося на исполнение директив «сверху» и использующего служебное положение для повышения собственного материального благополучия.

Приложение содержит 43 таблицы, которые отражают социальные характеристики провинциального чиновничества.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Документы финансово-хозяйственных секторов партийных органов как источник изучения истории провинциального чиновничества на Европейском Севере России в 1940-е – начале 1950-х годов // Историческое краеведение и архивы: Материалы научно-практических конференций, Вологда, 16 марта 2000 г., 14 марта 2001 г. Вып. 8. – Вологда, 2002. С. 113–115.
2. Система органов власти на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны // Историческое краеведение и архивы: Сб. статей. Вып. 9. – Вологда, 2003. С. 85–92.
3. Оплата труда регионального чиновничества в 1940-х – начале 1950-х годов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. – Вологда: Легия, 2003. С. 190–204.

